

Линь Суйцы был заперт на складе уже два часа.

Более двух часов назад, едва он вышел из кондитерской, где подрабатывал, рядом внезапно притормозил фургон с поддельными номерами.

Дверь распахнулась, и двое крепких мужчин, не дав ему опомниться, грубо затащили его внутрь.

Его похитили.

Это был заброшенный склад, где именно — он не знал. Пол покрывал толстый слой пыли, облупившиеся стены поросли паутиной, а воздух был пропитан затхлостью.

Июльский зной делал атмосферу невыносимо душной, дышать было трудно.

Линь Суйцы сидел в углу, его белая футболка испачкалась в пыли. Руки и ноги были стянуты нейлоновыми хомутами, которые невозможно было разорвать; на бледных запястьях и щиколотках уже проступили красные следы.

От жары рубашка почти насквозь промокла от пота. На чистом, красивом лице выступили мелкие капельки влаги, пряди волос на лбу спутались.

В его ясных, влажных глазах стоял туман, скрывающий страх и смятение.

Рядом слышались сдавленные всхлипы. Это был Цзян Лэ, полный ужаса и паники:

— Брат Суйцы, мне так страшно...

— У-у... Мы что, здесь умрем?

— Я так хочу к папе, маме и старшему брату...

Линь Суйцы искоса взглянул на Цзян Лэ, чьи руки и ноги были связаны точно так же. Глаза того давно покраснели от слез, которые градом катились по нежным щекам, а во взгляде, полном влаги, читались горечь и страх.

Цзян Лэ привезли сюда час назад.

Линь Суйцы считал, что его похитили по ошибке. Он никак не мог взять в толк, зачем бандитам понадобилось забирать и его — он был лишь презируемым семьей Цзян внебрачным сыном. Разве он стоил хоть чего-то по сравнению с Цзян Лэ, настоящим младшим господином,

которого родители и старшие носили на руках?

— Перестань плакать. Похитителям нужны только деньги, они обязательно выкупят тебя, — его голос звучал ровно, без особых интонаций, лишь с легкой хрипотцой.

Цзян Лэ шмыгнул носом и всхлипнул:

— Да, папа и мама обязательно нас спасут...

Линь Суйцы едва заметно дернул уголок губ и замолчал.

Солнечный свет пробивался сквозь закрытые пыльные окна, ложась на его изящный профиль с мягкими линиями. Длинные ресницы опустились, слегка подрагивая и отбрасывая тень на лицо. Даже в такой обстановке от него веяло отстраненностью и холодом.

Через несколько минут старую железную дверь склада толкнули снаружи.

Вошли двое мужчин. Тот, что шел впереди, был высокого роста, с устрашающей внешностью: от лба до края правой брови тянулся уродливый шрам, похожий на многоножку. Следом за ним шел толстый, лоснящийся мужчина с бритой головой.

Цзян Лэ от страха перестал плакать и начал судорожно прижиматься к Линь Суйцы.

Линь Суйцы поднял взгляд, мельком глянул на вошедших и снова опустил глаза, пряча за опущенными веками любые эмоции.

— Эти двое у меня в руках, смотрите внимательнее! — Громила со шрамом опустил на корточки перед ними, направив фронтальную камеру телефона на пленников. Его лицо исказила злоба. — Ну что, маленькие господа, скажите что-нибудь своим родителям.

Из динамика телефона тут же раздался женский голос, полный рыданий:

— Лэ-лэ, ты в порядке? Они сделали тебе больно? Ты ранен?

Это была госпожа Цзян, мать Цзян Лэ, Чжоу Вэньцян.

Следом послышался густой, мягкий мужской голос. Тон был напряженным, дрожащим, пытающимся успокоить:

— Лэ-лэ, не бойся, папа и мама не дадут тебя в обиду.

Цзян Хунъюй, глава семьи Цзян, отец Цзян Лэ и, по совместительству, отец Линь Суйцы.

— Папа, мама... — Цзян Лэ, сдерживавший слезы, разрыдался вновь. — Скорее спасите нас, мне так страшно, у-у...

— Лэ-лэ, не бойся, не плачь, папа и мама скоро тебя вытащат...

— Сколько бы денег вам ни понадобилось, мы договоримся, только не причиняйте вреда моему сыну!

На экране телефона супруги выглядели встревоженными: мужчина — красивый и утонченный, с глазами, полными заботы и беспокойства; женщина — с нежным лицом, подернутым пеленой слез.

Однако их обеспокоенные взгляды были прикованы только к Цзян Лэ. За все время они ни разу не взглянули на Линь Суйцы, словно он был прозрачным, несуществующим человеком.

Линь Суйцы по-прежнему сидел с опущенными глазами. Его открытая шея выглядела белой, тонкой и хрупкой, плечи — узкими и худыми. На красивом лице не дрогнул ни один мускул.

Лишь напряженные линии скул выдавали то, что внутри него сейчас бушевала буря.

Он закрыл глаза, пытаясь отгородиться от внешнего шума.

Вскоре мужчина со шрамом поднялся и зашагал к выходу.

— Десять миллионов за двоих.

— Мне нужны наличные. Сегодня в восемь вечера принесете деньги на улицу Икс-Икс, ждите моих указаний...

— Если посмеете заявить в полицию, они оба трупы!

— Хорошо, десять миллионов наличными, да? Без проблем, мы не обратимся в полицию, только не трогайте моего сына!

Несмотря на попытки отгородиться от реальности, фраза Цзян Хунъюя, адресованная похитителю, отчетливо долетела до слуха Линь Суйцы.

В его спокойных глазах промелькнуло нечто похожее на рябь, и в сердце внезапно вспыхнула неуместная надежда.

Отец тоже хочет его спасти... Неужели отец не отказался от него?

<http://bllate.org/book/22309/2335749>